

Фантастический боевик

ФАНТАСТИКА НАСТОЯЩЕГО И БУДУЩЕГО

СТРОИТЕЛЬ АПОКАЛИПСИСА

**РУСЛАН САМИГУЛИН
2017**

16+

Руслан Самигуллин
Строитель апокалипсиса

«Автор»

2017

Самигуллин Р. А.

Строитель апокалипсиса / Р. А. Самигуллин — «Автор», 2017

Аннотация: Благими намерениями вымощена дорога в ад (Самюэль Джонсон). Его спокойная и мирная жизнь была прервана страшной катастрофой. Максиму осталось не так много времени, но даже эти дни превращаются в настоящий ад. После похищения из госпиталя, ему постоянно придётся бороться за свою жизнь. Казалось бы, какой в этом смысл если от жизни остался лишь затухающий уголёк? Но встреча с Анной переворачивает все с ног на голову и теперь им вместе придётся остановить профессора Кромвеля, ведущего человечество к неминуемой гибели. Отступить им некуда, теперь в их руках судьба пятнадцати миллиардов человек, живущих на Земле и колонистов Луны.

© Самигуллин Р. А., 2017

© Автор, 2017

Руслан Самигуллин

Строитель апокалипсиса

Благими намерениями вымощена дорога в ад
Самюэль Джонсон

Взору открывалась гирлянда, сотканная из сотен огней автомобилей. Беспорядочно мигающие искорки поднимали настроение и делали всё вокруг каким-то волшебным и бесконечно добрым. Шоссе, по которому пришлось возвращаться домой, было слегка покрыто наледью, но дорожные службы весьма неплохо обрабатывали средства, затраченные на их содержание, так что особых проблем при движении не предвиделось. Автомобильный поток двигался подобно телу невероятно огромной змеи навсегда застывшей под колёсами автомобилей. Каждый изгиб был мягким и плавным, но, несмотря на кажущуюся умиротворённость, любая дорога содержит скрытую опасность.

Я никогда не считал себя первоклассным водителем, но долгие поездки так и манили своей особенной романтикой. В такие моменты просто отключал автопилот и наслаждался управлением. Словно возвращаясь в старые добрые времена. Во времена, предшествующие стремительному буму высоких технологий. Тогда, когда ещё ты был волен не полагаться на электронный мозг сверхумных компьютеров.

– Сильно метёт, – меланхолично протянула Кристи, растянувшись в пассажирском кресле и облокотив голову на боковое стекло.

Фраза, не адресованная никому, просто витала в воздухе, заставляя каждого думать о своём, наблюдая, как снежные вихри кочуют через полотно дороги. Мне нравилось проводить выходные с семьёй. Это было намного интереснее, приятнее и полезнее, чем гонять с мужиками на рыбалку, охоту или попросту напиваться до беспамятства в баре. Хотя, если честно, не скажу, что этого никогда не делал.

Кристи. Милая. Когда я на неё смотрю, сердце начинает биться чаще, волнами разбиваясь о внутреннее благоговение. Влюблён. Как мальчишка, начинаю заискивать перед её красотой. Даже сейчас, отметив первый юбилей нашей семьи, этот огонёк во мне не угасал ни на секунду. Как же я счастлив, что она рядом. Такая сонная. Из-под съехавшей на бок шапки густыми плотными локонами выбиваются светлые волосы. Бесконечно голубые глаза и ангельски очерченное личико до сих пор заставляют сердце трепетать.

Малышка Джулия нежно посапывала в детском кресле на заднем сидении. Проведя целый день на горнолыжном курорте вместе с родителями, она очень вымоталась. Вдобавок к активному отдыху доза чистейшего горного воздуха, ставшего настоящим шиком для жителей мегаполисов, сделала своё дело. За последние несколько лет, семейная поездка на самый красивый горнолыжный курорт страны, стала нашей доброй традицией.

– Индексы биржевых фьючерсов корпорации «ArmStrong» на сегодня составляют 276 пунктов. На 115 пунктов поднялась стоимость акций горнорудной корпорации «Sastim», продолжают снижаться... – речь, отточенная сотнями скороговорок и десятками часов, просиженными в компании логопеда, неожиданно прервалась, передавая эстафету приятной музыке льющейся из соседней радиоволны.

– Чёртовы компании! – вслух выругался я, – нанимают кучу людей ради своего топлива. Да они же ради этого на даже на Луну теперь летают. Само собой, топливо уже сейчас является самым ценным ресурсом, но превращать людей в рабов ради лишнего кредита это чересчур.

Разумеется, я прекрасно знал, что благодаря именно этому веществу в начале XXI века началось активное освоение спутника Земли, которое, как писали в прессе, сможет навсегда избавить мир от «наркотической зависимости» ископаемого топлива. Так сказать, слезть с

«нефтяной иглы». Само собой, Луна стала первой ступенью для продвижения человека в космос. Да, люди бывали там и раньше, но истинную цену своих открытий узнали лишь спустя добрую сотню лет.

Сегодня этот светло-жёлтый шар, слегка скрываемый серым облаком и спокойно висящий на небосводе, является перевалочной базой для стартов к далёким звёздам. За прошедшие десятилетия там разрослось великое множество поселений колонистов, с огромным успехом осваивающих здешние места.

– С Земли на Луну, – пробурчал я, – более противоречивого места обитания и придумать то сложно. Хм. Интересное решение для тех, кто хочет сменить вид из окна.

Но всё же, самым важным открытием тысячелетия, был тот самый пресловутый «гелий-3» – космическое топливо будущего. Трудно поверить, что тёмно-серая пыль, которой выстлана вся поверхность Луны – оказалось самым настоящим сокровищем, таящим в себе уникальное вещество.

Пользуясь доверчивостью людей, корпорации отправляют сотни тысяч колонистов на добычу этого «пыльного золота», обещая при этом не менее золотые горы. Пособия, страховки и даже собственные лунные участки. По понятным причинам простые люди вряд ли когда-то увидят сие блага цивилизации. Идиоты. Вот только остаётся вопрос – кто из них был большим идиотом?

А сколько людей осталось там, в миллиардах километрах от Земли только потому, что не могли себе позволить оплатить обратный билет? Всё потому, что компании, обещающие безоблачное будущее, через некоторое время лопаются, словно мыльный пузырь. Радужная оболочка нарисованного и так тщательно продуманного будущего исчезает, не оставляя ничего, кроме пустоты, нищеты и осознания своей беспомощности.

До мировой глобализации все проблемы, возникающие на строительных площадках и предприятиях, привлекающих низкооплачиваемый наёмный труд, всегда можно было списать на национальный признак того или иного народа, что-то вроде: «Чёрт подери этих тупоголовых чучмек». Сегодня уже трудно представить, что менее ста лет назад было такое агрессивное разделение между народами стран внутри континента.

Память вспышками вновь проигрывала историю семилетней давности, в которой я, купившись на все эти расчудесные лозунги о счастье за пределами орбиты Земли, принял участие в создании ряд объектов для дочерних предприятий той самой чёртовой корпорации «ArmStrong». Как всегда, были обещаны «золотые горы», контракт должен был быть подписан не менее, чем на десяток лет, страховка и прочие прелести сотрудничества. После сдачи чертежей коммуникатор генерального директора «вдруг» стал недоступен, а предприятие и вовсе начало процедуру банкротства. В общем, до боли отработанная схема.

– И-ди-от... – я мысленно обругал сам себя, – ну как можно быть таким наивным?! Жаль, но былого не вернёшь.

К счастью после этого случая и до сегодняшнего дня мне не приходилось встречаться с такими подлыми людьми. Нынешняя работа тоже требовала максимальной уверенности в партнёре, финансовый риск и дикое эмоциональное напряжение, но результат окупил все затраты, а овчинка стоила выделки.

«Заместитель директора департамента по общественной политике» – даже у себя в голове эта фраза произносилась как-то особенно важно и подчёркнуто-статусно. К этой должности я шёл долго и упорно. Жизнь начала не просто налаживаться, а наконец-то она стала приносить радость.

Из океана мыслей, витавших в сознании, меня выдернул голосок Джулии:

– Папа, папа, смотри! Какая большущая машинка!

Внушительных размеров грузовик лениво полз прямо перед нами. Его необычно-огромные колеса поднимали снежную пыль, погружая пространство позади себя в искусственную

метель. Наш джип хоть и имел полный привод, и я был полностью уверен в его надёжности, но пойти на обгон не решался, к тому же встречный поток был слишком плотный. Сквозь дорожную пургу был чётко виден знак радиации. Его огромная неоновая вывеска вполне конкретно давала понять, что на борту находится опасный груз, а логотип компании «ArmStrong» лишний раз подчёркивал очевидное.

Эта компания много лет занимала лидирующие позиции в энергетической отрасли и уже подводила к концу строительство самой мощной термоплазменной станции на Луне. Не являлось большим секретом и то, что грузом автопоезда, скорее всего, является сырьё для её новейших реакторов.

– Ну и дела... – подумал я. – Разве транспорт, перевозящий «такое», должен ездить по дорогам общественного пользования? Да у них же в сопровождении только одна машина, и то плетётся непонятно где.

– Как только выйду на службу, нужно будет не забыть подать на их грёбанную компанию очередную жалобу, – зло подумал я, включив дворники, дабы хоть немного разгрести летящий из-под колёс грузовика снег.

Громкий хлопок неожиданно разрезал воздух. Одна из трёх десятков покрышек невероятно огромного прицепа с грохотом разлеталась на мелкие куски. Повинуясь беспощадным инстинктам, я дёрнул руль резко влево, именно это и помогло увернуться от ошметков резины и металла, несущихся напрямиком в лобовое стекло. Машину занесло и начало раскручивать в диком танце, смертельно опасном для жизни людей, ставших заложниками груды металла.

Кружась безумным вихрем, на долю секунды удалось остановить мимолётное мгновение, дабы оценить весь ужас происходящего. Огромная махина злосчастливого грузовика, пересекая дорожное полотно, сметала своим телом всё находящееся на смертоносной траектории. Голова разрывалась, сознание затмевал оглушительный визг колёс и звуки скрежета сминаемых автомобилей, кажущихся ничтожно малыми в сравнении с радиоактивным монстром.

Стараясь избежать той же участи, я окончательно потерял контроль над управлением. Джип вновь занесло, раскрутив на скользкой поверхности заиндевевшего и покрывшегося коркой льда асфальта. Время остановилось. Всё это происходит не сейчас и не с нами. Не было слышно ни пронзительного крика Кристи, ни хруста сминаемого, словно фольга, кузова автомобиля.

Последнее, что мне удалось увидеть, были огромные глаза дочери, распахнутые в удивлении и страхе. Будто бескрайними водами океана они были полны слез. Она безмолвно плакала. Мир перестал существовать.

Глава 1

– Максим... Максим! – тонкий женский голос как-бы издали, из-за грани подсознания пробивался в мозг, то и дело пытаюсь помешать серому сну, не имеющему абсолютно никаких красок.

Помутневшее сознание начало с огромной неохотой развеивать дымку, поглотившую всё моё существо. Ослепительно яркий свет заставил зажмурить и без того нешироко открытые глаза. Я пытался закрыть лицо рукой, но сделать этого не получилось.

– Что происходит? – выговаривать слова мне удавалось с большим трудом, словно язык был налит свинцом.

Повернув голову, я увидел, что обе мои руки забинтованы и прижаты к телу.

– Тихо, парень, не дёргайся, – услышал я ещё чей-то голос. – Анастасия Павловна, Вы уверены, что сейчас стоит с ним разговаривать? Тем более если оценивать дозу облучения, удивительно как он вообще остался жив.

– Алексей Николаевич, я сама решаю, когда мне стоит или не стоит что-то делать, – резко оборвала его та же самая женщина.

– Хоть подействовало? – сменив тон уточнил мужчина.

В этот момент я негромко простонал. Преодолевая чудовищную боль, мне удалось произнести пару едва разборчивых фраз:

– Где я? Что со мной произошло?

– Подействовало, – с облегчением в голосе констатировала женщина. – Максим Анатольевич, Вы находитесь в реанимационной палате, для людей, страдающих острой лучевой болезнью.

Посмотрев на табло электронных часов, висевших точно в центре пустой стены, она добавила:

– Сейчас 12:47 по межконтинентальному времени. 14 марта 2089 года.

Дата раскалённым ножом врезалась в моё сознание.

– Три месяца, чёрт подери, прошло три месяца! Неужели столько времени? Как же так?

Яркой вспышкой молнии, в голове вспыхнул страшный вопрос, на который я и сам боялся получить ответ. Набравшись мужества, я задал его, одновременно желая и противясь:

– Где Кристи и Джулия? Где моя семья?

Женщина, потупив взгляд, выдержала секундную паузу и наконец ответила:

– Соболезную, Максим, их больше нет.

– Что значит «их нет»?! Какие к черту, соболезнования?!

Эти слова вихрем кружились в голове, не желая оседать данностью в израненном сознании. Я провалился в бездонную яму. К горлу подкатился огромный ком, и меня вырвало прямо на больничное покрывало. Приборы забили звуками тревожной сигнализации. Сознание вновь окунулось в чёрную пелену забвения где нет ни боли ни тоски, туда где правит мрак и темнота. Всё было кончено. Жизнь остановилась, не желая принимать действительность.

Прошла неделя, хотя возможно уже миновал целый месяц, я безнадежно потерял счёт времени, и вообще, окружающий мир стал настолько чуждым и пустым, что возвращаться в него не возникало никакого желания. Практически всё время я лежал в палате, но иногда приходилось вставать и ходить из угла в угол, чтобы хоть как-то размять затёкшие мышцы ног. Мир вокруг был словно занавешен серой пеленой и лишён всяческих красок. Мысли поглотились самой страшной утратой, которую только может пережить человек.

Палата, которая уже практически стала моим домом, была идеалом для минималиста и представляла собой большую пустую комнату, не имеющую окон. Не смотря на это, помещение было очень ярким за счёт множества светильных ламп, установленных на потолке и стенах. О наступлении условной ночи я узнавал по отключению основного освещения и включению ламп дежурного. Входом и выходом служила стальная дверь, неизменно закрытая на замок. В самом центре палаты стояла больничная кровать, возле изголовья которой расположились различного вида и назначения странные медицинские приборы.

Каждый день, хотя нет, правильнее сказать, с интервалами в 6 часов, робот медицинской службы привозил мне поднос с кашами, какой-то дрянью, похожей на объедки собаки, и целую горсть таблеток.

В один из таких приёмов пищи я не выдержал и обратился к вошедшему в палату роботу:

– Извините, я хочу видеть своего лечащего врача, пригласите его ко мне пожалуйста!

– Ваша заявка будет обработана в порядке очереди, – холодным металлическим голосом отчеканил робот, не внося в слова ни малейших эмоций.

Спустя несколько часов ко мне всё же вошёл молодой человек, облачённый в серо-жёлтый комбинезон имеющий яркие этикетки радиационной опасности на груди и руках.

– Максим Анатольевич, здравствуйте, меня зовут Алексей, я хотел бы поговорить о Вашем... – замялся он, – состоянии. – Как Вы себя чувствуете?

– Как мешок говна на свиноферме, – съязвил я и попытался изобразить нечто похожее на улыбку. – Что происходит, я здесь уже кучу времени, почему меня не отпускают из этой палаты? Что чёрт подери со мной?

Доктор молча переминался с ноги на ногу. По нему было отчётливо видно, что он старается подобрать какие-то нужные и скорее всего утешительные слова, но получается это крайне неубедительно.

– Может, Вы уже наконец-то объясните, что со мной происходит? – сходя с ума от неизвестности, я жаждал ответа.

– Вы облучены, Максим, – грустно произнёс Алексей, в его взгляде, замутнённым защитным стеклом комбинезона, чувствовалось некое сочувствие. – Тот грузовик был под завязку набит радионуклидами и ещё бог знает чем. Вам вообще повезло, что сейчас можете разговаривать и даже дышать, не используя кислородной маски, – он жестом указал на прибор с маской, к счастью, бесполезно стоящий в углу комнаты, перевязанный целой кучей проводов и шлангов.

– В глубине души я и так знал очевидный и одновременно страшный диагноз.

– Водитель того тяжеловеса умер месяц назад, так и не придя в сознание. До сих пор полиция занимается расследованием дела о провозе запрещённого груза по федеральной трассе, но там что-то не клеится, – покачав головой, продолжил Алексей, – как мне стало известно, они, вроде, вообще собираются закрывать дело в связи с недостатком улик, списывая всё на несчастный случай.

– Как погибла моя семья? – наигранно твёрдо, но при этом еле сдерживая слёзы, спросил я.

Алексей тут же отвёл взгляд, но все же ответил:

– Они погибли мгновенно, несколько автомобилей упали в кювет, спасти вашу семью у врачей не было никаких шансов, простите!

– Сколько мне осталось, доктор?

К такому вопросу врач, конечно, был готов, но всё же с сочувствием окинув меня взглядом, промолвил:

– Около пары месяцев, но это очень приблизительный срок.

В этот момент, вероятно, я должен был забиться в истерику, начать плакать, звать Бога и так далее, но вместо этого я лишь усмехнулся:

– Что-то долго, наверняка Джулия успеет соскучиться по папе.

Алексей сделал вид, что разделяет мой оптимизм. Хотя и непроизвольно подёрнул плечами.

– Почему меня не выпускают из палаты? – поинтересовался я.

– У Вас острая лучевая болезнь, Максим, мы стараемся оградить наших пациентов и работников от любых контактов с Вами, кроме того, стерильность палаты на начальном этапе лечения пойдёт только на пользу. И как только мы добьёмся положительных результатов, Вас перенаправят в другой медицинский центр.

– Зачем меня лечить? Я же всё равно уже не жилец?

– Такова этика нашего правительства, – торопливо закончив разговор, Алексей, взглянул на приборы, сделал какие-то записи в блокноте и поспешил удалиться.

Лучше мне не становилось, скорее, наоборот. Рвота с каждым днём усиливалась. В мозг пришло страшное желание поскорее отправиться туда, где я смогу вновь обнять любимую семью. К счастью, независимо от моего желания, судя по словам Алексея, этот день не заставит себя долго ждать.

В госпитале я провёл ещё около двух месяцев. Постоянное нахождение в палате, не имея даже малейшей возможности выйти на свежий воздух и поговорить с другими людьми, дей-

ствовало на меня крайне угнетающе. С каждым новым днём чувство одиночества и внутренней опустошённости усиливалось. Через некоторое время мне дали разрешение посещать оборудованный специальными тренажерами спортивный зал, где я смог понемногу восстанавливать свою прежнюю форму. Хотя делал это исключительно лишь для того, чтобы хоть ненадолго избавиться от гнетущих мыслей и переживаний.

Персонал госпиталя крайне редко посещал меня, скорее всего, это было связано с тем, что какие бы силы и средства не тратились на моё лечение, исход будет непременно один. Используя сильнодействующие препараты, удалось практически до нуля снизить передаваемый радиационный фон, и я стал практически безвреден для окружающих. Несмотря на это чаще посещать меня не стали, видимо, больничным персоналом просто не хотел лишней раз беспокоить ненужными процедурами, а, может, они просто не хотели общаться с умирающим человеком. И в этом я прекрасно их понимал.

С каждым новым днём, проведённым в этих застенках, я всё больше начинал чувствовать себя потерянным и отрешённым от окружающего мира. Сидя на кровати в тусклом свете лампы ночного освещения, в голову не раз приходил один и тот же вопрос – "Каков смысл лечения, если мой жизненный путь практически подошёл к своему трагическому финалу?"

Проводя аналогию с людьми, больными самыми страшными и неизлечимыми болезнями, но все же борющимися до конца, я понял, что, скорее всего, чувство самосохранения, заложенное в сущности человеческого сознания, не даёт разуму осознать то, что исход уже предreshён и будущее не изменить.

По моей просьбе Алексей принёс в палату библию, которую я начал читать первый раз. Конечно, когда ты живёшь полной жизнью и не задумываешься о том, что рано или поздно она закончится, в голову даже не приходит мысль о том, что ждёт нас по ту сторону.

Так пролетали часы, дни, месяц. В один из таких серых и безликих дней мне принесли одежду и попросили как можно скорее переодеться. Готовился мой переезд в специализированный медицинский центр, где я, скорее всего, проведу последние дни своей жизни.

Я быстро собрался, хотя чего уж тут было собирать. Из всех вещей у меня были только одежда и средства личной гигиены. Единственное, что пришлось в голову сделать – это сбрить бороду, которая росла на протяжении последних месяцев.

В палату вошёл Алексей, одет он был как обычно в белый, слегка затёртый халат. На его лице светилась улыбка.

– Максим Анатольевич, машина ждёт у комплекса. Вы готовы?

Перед выходом из палаты я ещё раз взглянул на себя в зеркало. Показалось, что за прошедшее время лицо постарело на десятки лет. Оставшийся пучок волос был практически седым, а в чёрных зрачках угасли те яркие, некогда сверкающие огоньки. Взгляд стал пустым и блеклым.

– Веди, – выдохнув, буркнул я, полностью повинувшись этому странному человеку.

Алексей вёл меня по бесконечным больничным коридорам, в которых навстречу тут и там попадались идущие по своим делам врачи, медицинские сёстры и люди в больничных халатах.

Дойдя до главного фойе корпуса, Алексей остановился у стойки регистрации.

– Вам туда, – он указал рукой в сторону выхода и принялся заполнять какие-то бумаги.

– А Вы со мной разве не пойдёте? – удивился я. – Мне идти туда в одиночку?

– К сожалению, нет, мне нужно заполнить кучу бумаг, – торопливо пробубнил Алексей и небрежно вновь махнул рукой в сторону выхода. – Вас там ждут, в моем присутствии нет необходимости, – добавил врач и уткнулся в стопку бумажек лежащих на стойке регистрации.

– Ну и порядки тут! – выругался я. – То они с меня глаз не спускают, то отправляют чуть ли не на все четыре стороны.

Тем не менее, на душе чувствовался удивительный эмоциональный подъём. Уже давно хотелось послать всё тут к чертям и сбежать навстречу призрачной свободе.

Окинув прощальным взглядом толпу неспешно шатающихся по центральному атриуму пациентов и врачей, я направился к выходу из главного здания, ставшего для меня скорее тюрьмой, нежели медицинским учреждением.

Оказавшись по ту сторону от входной двери, сразу же почувствовалось, как же сильно я соскучился по свежему воздуху, лёгким порывам ветерка, щебетанию первых весенних птиц и яркому свету солнца, в лучах которого утопал зелёный сад, раскинувшийся вдоль зданий больничного комплекса.

Территория комплекса была усеяна маленькими красивыми беседками, в которых сидели люди, облачённые в белые больничные халаты. Огромный парк окружал комплекс высотных строений, являющихся медицинскими корпусами госпиталя. Лучи яркого весеннего солнца отражались от стеклянных панорамных окон и освещали всё вокруг, придавая картине поистине умиротворяющий оттенок.

На отгороженной площадке стоял фургон с эмблемой госпиталя и небольшой внедорожник сопровождения.

Четыре человека в костюмах сотрудников медицинского департамента, стоявшие возле машин, громко смеялись, громко обсуждая какую-то шутку. Подойдя к ним, я представился. Осмотрев меня беглыми взглядами, мужчины начали расходиться по машинам. Старший сотрудник попросили меня занять место в кузове больничного фургона, а сам, запрыгнув в кабину, дал команду автопилоту начать движение по маршруту. Двигатель фургона почти неслышно загудел, и мы тронулись, постепенно набирая скорость.

Глава 2

Машины ехали по холмистой лесной местности. За окном то и дело мелькали рощицы деревьев, пышные кустарники и глубокие овраги. Под монотонный гул мотора и шуршание резины о поверхность идеально ровного асфальта я незаметно начал погружаться в томительный сон.

Мне снилась девушка, указывающая пальцем на что-то позади. Она была похожа на Кристи, но цвет волос и фигура казались другими. За ней я увидел очертание играющей с куклой маленькой девочки. Она внимательно смотрела на меня своими бездонными яркими глазами и широко улыбалась.

Вдруг сквозь сон до меня донёсся тонкий пронизывающий звук, будто комар пролетел рядом с ухом. После чего раздался громкий хлопок со стороны левого колеса, и машина резко изменила направление движения. От стремительного манёвра меня выбросило из кресла и с жуткой силой ударило о борт фургона. Секундой позже позади раздался оглушительный грохот. Через окна я увидел на месте едущего в сопровождении автомобиля огненный шар и разлетающиеся в разные стороны обломки.

Дыхание перехватило.

– Не может быть! – выкрикнул я, – что это!?

Я попытался окрикнуть старшего машины, но вместо вразумительного ответа услышал лишь сообщение автопилота о прекращении работы и передачи управления водителю. Там, где должна была быть видна голова рулевого, отчётливо виднелось красное пятно на лобовом стекле и маленькая паутинка трещин.

На огромной скорости фургон вылетел с дороги и, совершив пару головокругительных пируэтов, замер, уткнувшись в густые заросли придорожных растений. От сильного удара головой сознание помутнело, и я словно вновь очутился в эпицентре той самой катастрофы, унёсшей жизни всей моей семьи.

Забвение оказалось на удивление недолгим. Задние створки фургона с треском распахнулись, и яркий солнечный свет заставил меня прикрыть глаза ладонью. Весь мир казался окутанным в красную пелену, очевидно от крови, стекающей из посечённого лба.

Когда зрачки привыкли к яркому свету, я увидел здорового бугая с ломом и в бронежилете. Он стоял, вальяжно опираясь на распахнутую дверцу фургона, передвигая окурки сигареты из одного уголка рта в другой.

– Клиент тут! И даже, вроде, живой ещё, – бросил кому-то бугай. – Тем хуже для тебя, – уже обращаясь ко мне, сквозь зубы процедил он.

Их было человек семь или восемь. Все были одеты в одинаковую чёрную униформу и имели схожее снаряжение. В руках хищно поблёскивали штурмовые плазменные винтовки с голографическими прицелами.

Один из нападавших открыл водительскую дверь фургона. Безвольным мешком оттуда вывалился труп, плюхнувшись на асфальт с глухим неприятным звуком. Тут же стало очевидно, что я остался последним выжившим.

Меня поволокли к стоявшим на обочине фургонам, не имеющим опознавательных знаков, в том числе номерных. Чёрный цвет и наглухо тонированные стёкла не предвещали ничего хорошего.

– Кто вы такие? – начал я, как бы попытавшись завязать диалог с целью разузнать их требования, но вместо ответа хороший удар прикладом винтовки отправил меня досматривать так бесцеремонно прерванный в сон.

Маленькая девочка, смотрела на меня глубокими озёрами широко распахнутых глаз и тихонько похихикивала.

– Папа, – ласково произнесла она, протягивая ко мне свои руки, – папа, ты ведь никогда меня не бросишь? – тихим нежным голосом, словно журча крошечным ручейком, спросила девочка, пристально глядя мне в глаза.

Но вдруг женщина, стоящая рядом с ней, одёрнула меня за плечо и холодно спросила:

– Максим Анатольевич?

– Опять это чувство, чёрт бы его подрал, – ругнувшись, я попытался открыть глаза, но из-за яркого пучка света, направленного прямо в лицо, сделать этого не удалось.

Нежный женский голос начал искажаться, и вот он уже не такой ласковый и мягкий, он превращался в грубый мужской бас. – Я ещё раз спрашиваю, ты Макаренко Максим Анатольевич?

Резкая и звонкая пощёчина заставила меня приложить максимум усилий к тому, чтобы поднять веки и хотя бы своим видом показать, что слышу вопрос.

– Да, – с трудом пробурчал я.

– Какие у Вас планы на Луне? – грубый мужской голос старался как можно быстрее донести вопрос в просыпающийся мозг.

– На Луне? – я промямлил себе под нос, пытаясь понять суть странного вопроса.

Очередной шлепок по щеке не дал много времени на обдумывание ответа.

– Я, я не понимаю, о чем речь, – попытался собраться с мыслями и дать хоть какой-то ответ.

Приоткрыв глаза, попытался осмотреться. Помещение, в котором я оказался, напоминало маленькую конуру. Ни одного окна. Я был пристегнут пластиковыми наручниками к стулу, который оказался намертво приварен к полу. Вторым атрибутом мебели являлся табурет у противоположной стены. Помимо меня в комнате находились ещё трое вооружённых людей в сером камуфляже и с чёрными масками на лицах.

– Нет нужды врать, Максим, – произнёс человек, стоявший чуть поодаль от моего стула, – нам доподлинно известно, что Вы хотите проникнуть на объект корпорации «ArmStrong» и помешать планам профессора Кромвеля.

– Неужели ты думал, что твой глупый план просто так легко воплотить в жизнь? – с усмешкой спросил второй человек в маске. – Все члены твоей шайки будут обязательно пойманы и уничтожены.

Говоривший боец снял маску и подошёл ближе. Он не был высокого роста, не казался грозным боевиком или политическим деятелем, представляющим интересы тех или иных корпораций, хотя и имел крепкое мускулистое тело, очертания которого было видно даже через плотный камуфляж. В его чёрных глазах не отражались практически никакие эмоции, свойственные обычному человеку. Страшный и в то же время пустой взгляд напомнил мне взгляды людей, прошедших тяжёлый жизненный путь, страшные войны, последствия катастроф. Казалось, в его глазах до сих пор тлеют остатки воспоминаний пережитой им трагедии. Невольно, сам не зная почему, но я его понимал, наверное потому что уже видел такие же пожирающие огоньки в отражении своих глаз.

– Итак, я ещё раз спрашиваю – где остальные члены твоей банды?

– Я правда не понимаю о чём Вы, я простой человек!

– Мне хорошо известно кто Вы, Максим, – мужчина поставил напротив обшарпанный табурет и сел.

– Но, Вы ведь не будете отрицать, что знаете профессора Кромвеля?

– Знаю, – я утвердительно кивнул головой, – но мы не виделись уже более семи лет, после того как его корпорация кинула нас с проектом той станции, спроектированной под моим руководством.

– Уже лучше, но меня больше интересуют Ваши планы на Луне. В особенности касательно термоплазменной станции, а так же местонахождение остальных членов Вашей, так сказать, организации.

– Я ещё раз повторяю, что не знаю ничего о том, о чём Вы говорите! – я старался быть убедительным, на сколько это вообще было возможно.

– Понимаю, нелегко сдавать своих, но можешь мне поверить, я получу нужную информацию, хочешь ты того или нет, а иначе, – он жестом указал на пистолет, висевший на поясе стоявшего рядом с дверью охранника.

Главарь встал с табуретки, подошёл к человеку в чёрной маске и, похлопав его по плечу, удалился из помещения. Посмотрев вслед ушедшему командиру, боец подошёл ко мне.

– Ты обязательно все расскажешь, – сказал он и в очередной раз наотмашь ударил меня по лицу.

Перечень пыток не был слишком большой или зловещий, как это показывают в кино. Но одно могу сказать точно, если бы я хоть что-то знал, то обязательно расколосся, и все эти сказки о нечеловеческой выносливости героев боевиков не более чем надуманное преувеличение.

Прошёл час, а может быть и не один. Порой казалось, что миновали не одни сутки. Парни заметно выдохлись, отбивая почки и нанося удары по лицу. Моя непреклонность, похоже, начала убеждать их в том, что известно мне не так уж и много, а точнее – ни-че-го.

– Неужели вы думаете, что пытками, угрозами убийства или страшных увечий можно запугать человека, лишённого смысла жизни, от которой и так остались считанные дни? – я презрительно выплюнул на пол скопившуюся во рту кровь.

Покрутив перед моим лицом плазменным пистолетом, боец демонстративно зарядил магазин в рукоять и, взведя курок, приставил дуло к виску.

– Последнее желание, мразь? – сквозь зубы процедил он.

Дыхание остановилось, мысли перемешались. Как можно понять и осознать то, что через секунду ты перестанешь существовать?

Неожиданный хлопок в дальнем конце помещения заставил меня приоткрыть глаза. Человек, державший пистолет непроизвольно повернулся в сторону резкого звука. В помещение залетела свето–шумовая граната, и в ту же секунду ослепительная вспышка заставила всех зажмуриться. Резкий толчок в спину повалил меня на пол вместе со стулом, к которому был пристегнут браслетами.

Плазменные очереди расчертили всё помещение прямо перед глазами. Я увидел, как безвольной куклой упал охранник. Под ним начала растекаться алая лужица, ясно давая понять, что жизнь этого человека оборвалась.

Грохот выстрелов полностью заглушил крики раненых и умирающих людей. Быстрым мощным движением меня подняли. Один точный взмах большим армейским ножом освободил руки от пластиковых наручников.

– Ты пойдёшь с нами! – услышал я грубый, но, как показалось в грохоте боя, женский голос.

В ту же секунду меня подхватили под руки и поволокли к выходу. Коридоры комплекса были обесточены, тусклый свет аварийного освещения изредка разрывался яркими вспышками выстрелов. На лицах нападавших были одеты приборы ночного видения, так что ориентироваться в тёмных коридорах им не составляло большого труда.

Каждое следующее помещение, попадающееся на пути отхода, зачищалось броском гранаты и очередью из плазменных винтовок. Для того, чтобы не попасть в окружение, на всех ключевых перекрёстках бесконечных коридоров были выставлены контрольные точки из одного-двух человек, занявших круговую оборону и немедленно отходивших сразу после нашего прохода. Действия бойцов были поистине профессиональными, это я понял по отточенным до автоматизма движениям. Прикрывавшая отход группа из двух бойцов закидывала дымовыми гранатами охранников комплекса, пытавшихся вести преследование.

Несколько трассирующих лучей проскользнули прямо возле моей головы и ударили в спину бегущего впереди человека. Ни бронежилет, ни одетая поверх него разгрузка не спасли от разрывного снаряда. Он упал замертво. Ответный огонь охраны комплекса усиливался пропорционально прибывающим с каждой секундой новым охранникам. Оглушающе завывала сирена боевой тревоги.

– За мной! – приказала женщина и исчезла в боковом ответвлении коридора, остальные бойцы, не мешкая, последовали вслед за ней.

Пробежав несколько десятков метров, мы оказались в каком-то колодце, напоминающем вентиляционный узел. Меня грубо положили на пол. Остальные бойцы занялись обороной входной двери, практически не переставая вести огонь, лишая охрану возможности подойти близко к нашей позиции.

Мельком я обратил внимание на незнакомую женщину. Коротко стриженные вьющиеся волосы были растрёпаны, забавно падая на лицо и скрывая за собой чётко очерченные скулы. Невысокий рост прекрасно гармонировал с крепким, но всё же женственным телосложением. На вид ей было около сорока лет. Лицо ещё не успело утратить красоты, но было испещрено тонкими полосками морщин. Яркие и по-детски распахнутые глаза притягивали взгляд.

– Кто вы такие? – взяв себя в руки, наконец спросил я.

– Мы – последняя линия обороны Луны, – запыхавшись, ответила женщина. – Похитившие тебя люди планируют уничтожить термоплазменную станцию на Луне. После этого от мощнейшего взрыва спутник Земли сойдёт с орбиты и, столкнувшись с планетой, уничтожит тут всё живое.

– Но... но зачем им это? – меня бросило в дрожь от её слов.

– Это радикалы, – продолжила незнакомка, – безумные террористы, они не признают законы тех или иных корпораций или лидеров народов Земли. Короче, свихнувшиеся фанатики, если так тебе понятнее.

– Я-то тут причём?! Врачи сказали, что у меня сильнейшая лучевая болезнь и при любых раскладах мне недолго осталось!

– Ты раньше работал на корпорацию «ArmStrong» и принимал участие в проектировании этой самой станции. Значит, ты должен знать все слабые места комплекса, по которым может ударить враг, – сверля меня своим холодным взглядом, проговорила незнакомка.

– Но ведь это было более семи лет назад! – грохот от взрыва гранаты возле дверей заставил меня замолчать и упасть на живот, закрывая руками голову.

Несколько бойцов взрывом откинуло в середину помещения. Силы таяли с каждой секундой. Два человека, оборонявших входную дверь, уже были убиты, боезапас группы подходил к концу. Окинув взглядом стоящие вдоль стены холодильные камеры, женщина скомандовала, а выжившие бойцы её отряда принялись заваливать входные двери.

– Будем двигаться по вентиляционным коробам, они должны вести к вытяжной камере на поверхности, – крикнула женщина и несколькими точными выстрелами выбила решётку шахты.

Заминировав самодельные баррикады, я и четвёрка выживших с трудом начали залезать в вентиляционный короб. Силы бойцов были на исходе, тем более, что среди оставшихся четырёх человек трое имели те или иные ранения, так что ползти по вентиляции мне пришлось своими силами.

Теряясь во времени, мы продолжали двигаться по бесконечно длинным коробам, благо они были значительных размеров, скорее всего из-за того, что комплекс состоял из больших по площади помещений, скрытых на значительной глубине под землёй и, соответственно, требовали большой объём воздуха. Грохот взрыва позади нас подстегнул ускорить и без того не медленные движения.

– Они пробили баррикаду, – задыхаясь произнёс один боец. – У нас совсем мало времени!

– Я знаю, – подтвердила женщина.

Достав рацию, проговорила одновременно нежным и властным голосом:

– Орёл-один, орёл-один, это наземная группа! Каков ваш статус? Приём.

Шипение резко сменилось короткими фразами:

– Наземная группа, это орёл-один, нахожусь в трёх минутах лёту. Обеспечьте безопасную зону посадки. Как понял? Приём.

– Принял, – резким голосом ответила женщина.

Через минуту я увидел свет в конце, казалось бы, бесконечного тоннеля.

Наконец-то мы выбрались из короба и оказались в помещении, оборудованном большими гудящими вентиляторами. Свет, показавшийся лучами яркого солнца, был ничем иным как освещением ярких ламп, закреплённых на стенах и потолке. За металлическими решётками сквозь тьму виднелись прожектора освещения комплекса.

Навалившись всем телом, два бойца открыли верхний люк и, прикрепив в дополнение к голограммным ещё и оптические прицелы, заняли оборону на крыше сооружения. Третий встал у входа.

– Орёл-один, это наземная группа, точку эвакуации указываю инфракрасным целеуказателем, – сказав это, женщина приоткрыла входную дверь и, что есть силы, бросила на ближайшую открытую площадку крошечный контейнер.

Хлопки выстрелов снайперов, сидящих на крыше, не заставил себя ждать. В ответ посыпался град трассирующих снарядов. В воздух полетели осветительные ракеты, разрывая своим свечением непроглядную, безлунную ночь.

Охрана комплекса начала стягивать лёгкие броневики к месту интенсивной перестрелки. Подъезжающие машины одна за другой неожиданно озаарились яркими вспышками и прогремели несколько оглушительных взрывов.

Над полем боя пролетел чёрный конвертоплан, с бортов которого посыпались смертельные полоски выхлопных дымов от мелкокалиберных ракет в направлении наступающих сил. Долго кружить не имело никакого смысла, так как зона эвакуации могла в любой момент перестать быть более или менее безопасной для посадки машины.

– Выходим! – громко скомандовала женщина.

Бойцы мгновенно покинули позиции и направились в сторону боевой машины, лишь слегка касающейся земли и опустившей заднюю аппарель. Двое человек помогли мне подняться на борт, женщина и ещё один боец прикрывали наш отход. Как только мы взошли на борт, совсем рядом раздался выстрел, и голова прикрывавшего нас бойца за долю секунды превратилась в кровавое месиво. Грубый мужской голос громко окрикнул и приказал бросить оружие.

– Вам не уйти, – угрожающе прошипел он, – будьте благоразумны и опустите оружие.

Я мгновенно узнал этот голос. Это был тот самый человек, который вёл мой допрос. Появившийся из тени мужчина держал в руках плазменный пистолет.

Реакция пилота сработала в последнюю долю секунды. Резкий наклон машины заставил мужчину резко отпрыгнуть во избежание удара гондолой двигателя. Секундной заминки оказалось вполне достаточно, чтобы кувыркнувшись, женщина сделала пару выстрелов в его сторону и, воспользовавшись замешательством, впрыгнула в грузовой отсек.

– Вверх! Давай вверх! – что есть мочи закричал я.

Пилот тут же довёл обороты двигателя до максимальных. Машина с резким толчком пошла вверх. Глухие хлопки тут и там расходились по обшивке, обозначая попадания вражеских снарядов.

Но чем дальше и выше уходил в чёрное небо конвертоплан, тем реже они слышались, а потом и вовсе растворились в завывании ветра. Я обессиленно прислонился спиной к борту, чтобы перевести дух. Град капель пота струился по лбу, заливая глаза.

– Анна. – так же тяжело дыша и держась за окровавленную руку, представилась женщина.

– Что? – непроизвольно спросил я, ещё не в силах собрать обрывистые мысли в единое целое.

– Меня зовут Анна, – повторила она.

– А меня зовут...

– Я знаю, Максим, – опередила женщина. – Неужели думаете, что мы спланировали и организовали такую сложную операцию по спасению, не зная, ради чего это делаем? – словно укоризненно скосив взгляд, спросила Анна.

Я ничего не ответил. Да и был ли смысл что-то говорить тем, кто, судя по всему, знает обо мне даже больше чем я сам?

– Вы наша надежда, а, может быть, и надежда всех людей на Земле и Луне вместе взятых. Вы лично знакомы с профессором Кромвелем, и только Вы можете отговорить его от сумасшедшего плана. Вдобавок, никто кроме Вас не сможет помочь нам попасть на захваченную его сторонниками термоплазменную станцию.

– То есть Вы хотите сказать, что мы летим на Луну? – я не мог поверить её словам.

– Я хочу сказать только то, что если не поможете нам, спустя не так много времени всех нас и ещё около пятнадцати миллиардов человек не будет существовать, – твёрдо заявила Анна.

– Господи... – не веря своим ушам, пробормотал я.

– Как Вы себя чувствуете? Вам уже лучше? – спросила она, сменив тему.

– Трудно сказать, – глубоко выдохнув, признался я, – просто хочу умереть...

– Время ещё не пришло, – спокойно парировала Анна и занялась обработкой своей раны.

После нескольких уколов тонизирующих и обезболивающих армейских препаратов я наконец-то понемногу начал приходить в себя.

– Кто был этот человек, который чуть не убил Вас на площадке? – обратился я к Анне.

– Его зовут Давид Хоффер. Он главарь нанятой Кромвелем частной военной компании. Проще сказать – головорезов, выполняющих любые заказы за хорошую плату и, судя по всему, Кромвель их не обделяет.

Я не любил смотреть центральное телевидение и подолгу зависать во всемирной паутине в поисках никому не нужных новостей, но, кажется, начал вспоминать о документальном расследовании каких-то журналистов. В нём, вроде как, говорилось о некоем Хоффере. Оно было посвящено военным преступлениям последних лет.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.